

МД

ОГТРОВ ТЕРЕЗЫ

МД

Остров Терезы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70361575

SelfPub; 2024

Аннотация

Мир магии и пара. Юная ведьма, которая мечтала о стажировке у величайшего из мастеров магии, вместо этого попала в логово браконьеров-живодеров, потом в столицу эльфийской империи, а потом замуж. Мелиссе придется проявить свои лучшие качества: ум, смелость, находчивость, интуицию ведьмы... Я бы сказала, это книга не столько о приключениях, сколько о выборе, о том, что остается в душе героя после подвига. В роли рыцаря у нас – самоуверенная ведьма 19 лет отроду.

МД

Остров Терезы

На остров Терезы я прибыла 12 июля. Был жаркий день, по небу ползали редкие облака с чётко обозначенной серой подошвой, а свежий ветер с моря крутил мои локоны у висков (что беспримерно меня раздражало). Город и замок были сразу видны: они располагались на возвышенности. Замок представлял собой жемчужно-серую громаду со множеством башен и бирюзовыми треугольными флагами, которые рвались на ветру и сливались с небом. Меня никто не встречал.

На мне было серое ученическое платье долу (т.е. до земли) и такой же серый плащ с капюшоном. Волосы были строго собраны на затылке, а в руках я держала маленький панцирный чемодан с отметкой трёх стран, которые мне пришлось пересечь, чтобы достичь желанного острова. Безусловно, я волновалась. Мне казалось, что мои лёгкие слишком маленькие, чтобы вместить тот объём воздуха, который в них врывался. Голова немного кружилась. Я очень быстрым шагом, не замечая ни лиц, ни улиц вокруг, достигла замка и едва удостоила объяснением привратников и швейцара. Впрочем, они, конечно, были предупреждены о моём приезде и к тому же – давно привыкли к подобным посетителям, взволнованным, растрёпанным, с распахнутыми глазами и запыхавшейся грудью.

Мастер был на втором этаже, на галерее. Высокий, как все эльфы, он был, как и теперь, почти на две головы выше меня. Его фигуру скрывала чёрная мантия мастера магии, увитая рунно-растительным узором. Это всё, что я успела отметить – не разобрала ни лица, ни настроения хозяина, я быстро направилась к лестнице. Краем глаза я заметила красивую эльфийскую молодую женщину в нежно-бежевом платье долу, с высокой причёской, украшенной жемчугом. Я отметила, что она не удивлена моим поведением, и её невероятно милостивое лицо провожает меня с хорошо скрытой понимающей улыбкой. Мгновением позже, уже шагнув на первую ступеньку каменной лестницы, я заметила в изгибе алькова химико-магическую лабораторию. «Он занимается химией! Он признаёт это направление магии!!» – возликовала я и уже почти бегом взлетела на галерею второго этажа.

Мастер повернулся ко мне с непроницаемым безразличием разума, поглощённого решением задачи. Я пролепетала, задыхаясь:

– Мастер, позвольте, я...

Всё лицо и даже край ушных раковин великого мага покрывал тёмный узор, тонкими щупальцами расползаясь по светлой, бархатистой, как у всех эльфов, коже. Глаза – тёмно-серые, с карими и зелёными прожилками, окружённые длинными густыми ресницами. Брови и волосы – того графитового оттенка, который отличает эльфов старше 500 лет, преуспевших в магическом искусстве.

Не имея ко мне ни малейшего интереса, Мастер направился в одну из комнат, похожих на каменный грот. Я, безусловно, последовала за ним. Я поняла, что сейчас он находится в магическом процессе, и я могу стать свидетелем чудесных превращений. Между тем, в каменной тёмной комнате я увидела циклофорс – медный опоясанный шар, полый внутри, предназначенный для активации веществ или предметов. Циклофорс был открыт, и в нём стоял остроконечный бронзовый предмет, похожий на бутылёк арабских духов. Я знала, что это! И поняла загвоздку Мастера. Конечно, он не был знатоком химической магии, ведь он – мастер тонкой магии, способен управлять энергией, но не частицами. Прежде чем активировать силу этой штучки в циклофорсе, нужно было попробовать соединить в ней два реагента!

– Мастер! – воскликнула я. – Позвольте! – Я схватила бутылёк, маг попытался перехватить его и сильно сжал мою ладонь. Остроконечная крышечка больно врезалась мне в сгиб указательного пальца. – Позвольте, я попробую! Я только спущусь в вашу лабораторию. Там есть химическое оборудование.

– Химическая магия? – то ли с сомнением, то ли с презрением спросил великий маг, я быстро закивала и стала путано объяснять, что я не сильна в магии, но химическое направление даётся мне неплохо, что я знаю и умею проводить некоторые приёмы, достойные магистратуры, имею о том даже рекомендательное письмо... Но в эту минуту НЕЧТО от-

влекло Мастера. Он плавно и быстро, как тень, оказался на середине комнаты, я метнулась к нему – вовремя, чтобы увидеть, как расплылось пространство, – и нас затянуло в воронку. Перед нами предстал металлический механизм с щупами-руками, стоящий на трёхпалых ногах. В механизме, держась за два больших рычага, сидел коротышка с длинным крючковатым и толстым носом. Существо обратилось к Мастеру с какими-то словами, а затем щупы поднялись в сторону великого мага – он инстинктивно попятился, я схватила его за мантию – Мастер поднял руку, произнося рунное заклинание – но оно, кажется, не подействовало! – зато нас начало вытягивать маятниковым эффектом, я почувствовала, как туфли, подобно щёткам, скользят по каменным плиткам, и затем видение исчезло. Мы вновь были в своём пространстве, в каменной комнате замка.

– Что это было?! – искренне воскликнул Мастер. Его изумление и негодование кипели и бурными потоками манны выплёскивались из-под эльфийской непроницаемости.

– Не знаю, – призналась я. – Это было искривление пространства.

– Почему оно произошло?!

Мастер раздражённо и категорически забыв обо мне, ушёл в ближний, скрытый мраком угол комнаты и склонился над какими-то записями и приборами. Я же на подгибающихся ногах направилась к лестнице. Спускаясь, я держалась за перила и чувствовала, как силы покидают меня, а

пальцы дрожат, даже крепко схватившись за деревянный поручень.

– Вы неважно выглядите, – сочувственно встретила меня девушка в нежно-бежевом платье. Его украшало тончайшее белое кружево, которое ещё подчёркивало белизну, шелковистость и нежную прозрачность кожи хозяйки. Фиалковые глаза теперь не улыбались, они были полны мягкой заботы. Стюард подал мне руку и хотел помочь сесть на откуда-то принесённый стул, но я осталась стоять. Я не была бы ведьмой, если бы позволяла пространственным катаклизмам полностью выбивать меня из колеи. Я перевела дыхание.

– Спасибо, – сказала я.

При более внимательном взгляде стюард оказался молодым эльфом, учеником мага. На нём был серый плащ с капюшоном, а на плече ярким золотым вензелем поблёскивал герб дома Ратэ. Иными словами, руку мне подал близкий ученик Мастера, скорее всего – молодой эльфийский аристократ из очень хорошей семьи и с очевидным магическим даром.

– Мелисса Лог, – представилась я, наконец.

Эльфы кивнули в знак того, что слышали меня.

– Милена Ратэ. Сестра великого мага, – представилась девушка, и уголки её розовых губ поднялись в лукавой улыбке.

– Эрэн, – лаконично представился молодой эльф. У него были золотые волосы, природой завитые в мелкие кольца и умелым цирюльником уложенные в простую, не разлетаю-

щуюся облаком, но свободную причёску. Его лицо и особенно серо-голубые глаза говорили о решительности его натуры и ничем не показывали одержимости магией – что не характерно для учеников великих магов. Казалось, он пребывает на этой должности по обязанности или в соответствии с приличием, на самом же деле не питает к магии никакого когнитивного интереса.

Эрэн проводил меня в небольшую светлую комнату на первом этаже, убранную без акцентов – очевидно, специально отведённую для паломников-учеников. Здесь, у кровати, стоял мой чемодан, который я успела где-то потерять (возможно, на лестнице: в маленькую каменную комнату на втором этаже я точно вошла с пустыми руками).

– Вы свободны немного отдохнуть и прогуляться по острову, – сказал на прощание ученик Мастера. – Свежий воздух пойдёт вам на пользу.

Я вежливо улыбнулась, кивнула и послушно присела на кровать. Эльф слегка усмехнулся моей школьной манере и вышел, добавив, что ужин – в пять, но Мастер, вероятно, будет всё ещё занят. Я снова кивнула, и дверь закрылась. Я тут же встала, переплела волосы в косу Спящий дракон, натянула капюшон плаща и вышла. Через боковую дверь я попала в сад. Здесь было всё слишком аккуратно и размеренно. Поэтому я пошла дальше, за ограду, направляясь к дремучему лесу, штыками пронзавшему брюхо голубого неба. Через полчаса я свернула с просёлочной дороги. В спину ме-

ня окликнул какой-то мужчина в широкополой соломенной шляпе – фермер, очевидно. Сидя на огромной расхлябанной телеге и придерживая вожжами двух мулов, он спросил, не заблудилась ли я.

– Спасибо, нет. Я гуляю. Я найду потом дорогу в замок. Спасибо, – ответила я на сносном средиземском наречии, подчёркнуто оптимистично помахала вытянутой рукой и снова направилась к чаще.

Лесной приют меня встретил прохладной тенью, запахом влаги и мягким, манящим к нему прикоснуться изумрудно-зелёным мхом на камнях, упавших деревьях и стволах непобедимо-живых исполинов. Тишина и редкое щебетание птиц наполнили мой слух божественной гармонией. Отдаваясь эмоциям и чувству успокоения, я пошла наугад, позволяя изгибам звериных тропинок и лёгких подъёмов земли уводить меня им одним известным маршрутом. Я вдыхала тяжёлый воздух чащи, растворяясь в нём и отдыхая всем своим существом. Мои туфли промокли, и пальцы на ногах ощущали прохладу, подол платья набрал на себя семян и сухой травы, и я шла дальше, не желая возвращаться в мир суеты и повседневности.

Мои приятные минуты прервал странный, приглушённый, но отчётливый гомон. Я различила фразовое деление – где-то близко перебрасывались рабочими замечаниями разумные существа. Я приняла решительный вид и пошла на звуки. То, что я увидела, повергло меня в трепет, но я не вы-

дала своих чувств. Если чему и учит школьная дисциплина, так это делать уверенное лицо и твёрдый голос, даже когда ты полон трусости и жалости к себе.

– Эй, ты, бестолковый гном, куда ты его тащишь? – ворчала толстая женщина-гном в коротком платье, кожаных штанах и полосатых чулках.

– А ты не ворчи, я знаю, куда тащу, – ответил ей другой гном, мужчина, в кожаных штанах и жилетке, бордовом колпаке и заросший грязной свалявшейся бородой.

Всего на большой поляне было около десяти гномов. Они собирали в клетки разных животных, расставляли в несколько пирамид, а затем перетаскивали вглубь леса – очевидно, там была пещера или ангар. Раньше, чем меня заметили, я накинула личину малорослика: с полукровками гномы разговаривают охотнее, чем с высокими расами.

– Кумушка, мы тебя заждались! – полуприветливо крикнула мне толстая гномиха. Она спутала меня с кем-то.

– Трудно было до вас добраться, – откликнулась я, выбираясь на открытое место. – Что у вас тут за гомон происходит?

– Да ничего. Перетаскиваем их в амбар. Идём. Всё увидишь по дороге.

Гномы, среди которых толстуха была единственной женщиной, действительно перетаскивали клетки в огромный амбар, больше похожий на туннельный (т.е. без окон) однопэтажный дом. Посмотрев внимательно, я узнала несколь-

ко редчайших видов животных – карликовых верблюдов, шиншилл, перламутровых тетеревов... «Браконьеры! – догадалась я. – В лучшем случае, они занимаются перепродажей редких животных». Толстуха провела меня дальше, таща большую клетку с прекрасным образцом взрослого перламутрового тетерева. В амбаре стоял невообразимый шум – очевидно порог был окутан звукопоглощающим заклинанием, потому что в чаще этого гвалта не было слышно.

– Вот тут мы их складываем, – пояснила моя проводница и водрузила клетку на деревянный топчан, вроде колоды. Мне в глаза бросились два карликовых верблюда, истощивших свой страх и теперь с тоскливой обречённостью прижавшихся друг к другу, лежащих на краю клетки и печально смотрящих в нашу сторону. В следующую секунду я услышала низкий, задушенный крик тетерева – хруст кости и стук. Тесак, отсёкший прекрасную чёрно-жемчужную голову, врезался на несколько миллиметров в топчан.

– Зачем?! – вырвалось у меня.

– А зачем нам остальное? – пояснила толстуха и деловито отрубила крылья и лапы. – Для щита нужны только головы и лапы! Ну, у птиц ещё крылья.

Ледяной ужас выпрямил мою спину. Я подняла глаза, и за толстухой увидела нескончаемый ряд деревянных щитов, к которым были приколочены головы, лапы, крылья безжалостно убитых редчайших животных Средиземья.

– Да, и верно, – проговорила я чужим голосом. – Заказы

пока не кончатся?

– Что ты! Ещё больше стало! Вот подожди, Глёлъм доделает свою камеру, и заживём как богачи!

– Камеру, – повторила я, будто ради неё-то сюда и пришла.

– Да, точно! Надо же отвести тебя к Глёлъму. Надеюсь, ты не сильно врала насчёт своего магического диплома? Если ты его дурить задумаешь, он тебя живо саму в эту камеру засунет!

– Это мы с ним разберёмся, – ответила я, изображая оскорблённость. Толстуха согласно кивнула, бросила отсечённые конечности тетерева в приёмный лоток в стене, отёрла руки о платье и повела меня дальше. Отмеряя шаги, я собиралась с силами: я не хотела, чтобы меня разоблачили, а если этот Глёлъм – изобретатель, он не дурак.

Прежде чем рассказать о последующих событиях, я позволю себе предаться описанию того, что сконструировали гном Глёлъм и его братья, Чар и Гуль. Эти в высшей степени амбициозные, тщеславные и жадные гномы собрали поистине революционный механизм. Компрессионную камеру, способную высвободить из существа его манну, эмоции, волшебство или всё это одновременно. Высвобожденный эфир концентрировался до газообразного состояния и помещался в колбы, которые тут же герметично запечатывались. Безусловное варварство и жестокость, но гений изобретения бесспорен! Меня (точнее, ту, с кем меня спутали) пригласили для того, чтобы усовершенствовать камеру. Гно-

мы хотели, чтобы она работала стабильнее, регулировалась по мощности (чтобы выкачивать жизненно-важные эфиры постепенно, убивая объект не сразу), а также – чтобы добавить камере способность высвобождать волшебство из предметов.

Теперь же о том, что происходило. Гномиха провела меня по узкому плохо освещённому красными лампами коридору и вывела в просторную комнату, заполненную привычным глазу желтоватым светом. Комната по форме стремилась к сфере, все углы были сглажены, однако правая её стена резко обрывалась нишей, будто кто-то огромным цилиндром пробил дыру в металлической обшивке комнаты и камне откоса, к которому примыкал амбар. У левой стены громоздилось сферическое сооружение с проводами и трубами. Одна из тонких труб вела от основного отсека механизма к небольшой кубической камере, закрытой, наподобие двустворчатого шкафа. Пульта управления механизмом не было, все рычажки, вентили, рукояти-поршни и прочие элементы настройки располагались на круглом боку центрального отсека.

– Наше изобретение! – с гордостью и оттенком спеси прокомментировал низкий хриплый голос. Обернувшись, я едва не вздрогнула – я узнала этого человечка. Это был тот самый коротышка, который сидел в роботе и пытался щупами схватить Мастера!

– Господин Глёлъм? – догадалась я.

Гном самодовольно поклонился и шутовски махнул своим штопаным колпаком.

– А это мои братья. Чар, подойди! Это наш средний. А это Гуль. Младший.

Глёлъм по очереди обнял за шею и хлопнул по спине своих братьев. Все они были разного роста, самым низким был Чар. Глёлъм носил седую аккуратно подстриженную бороду от уха до уха без усов, всё время горбился и был, видимо, самым тщеславным из братьев. Чар походил на обыкновенного гнома, если не считать головного убора. Вместо колпака он носил огромную шляпу-цилиндр тёмно-красного цвета, с чёрной лентой на тулье. Гуль был и вовсе несуразным. Он не носил бороды (возможно, был слишком молод), вместо колпака у него была кожаная облегающая и зрительно уменьшающая голову шапочка-шлем, а на носу громоздились толстые окуляры, наподобие тех, которые надевают часовщики, приступая к работе. Под кожаной жилеткой Гуль носил линейную рубашу с жабо, слишком пышным для его роста и телосложения, а на ногах младшего изобретателя красовались тяжёлые сапоги на толстой рельефной подошве, какие носят в горах. Из-за этих сапог он казался выше Чага на голову, и на полголовы выше старшего брата – Глёлъма.

– Я очень рада знакомству! – изобразила я восторг и улыбнулась самой широкой улыбкой. – Это ваше изобретение? Оно выглядит потрясающе!

Польщённые гномы тут же, перебивая друг друга, стали

объяснять, что собой представляет компрессионная камера и как она работает. И чем дольше я слушала, тем больший восторг наполнял моё сердце. Можно спорить о способах и целях применения камеры, но сам принцип её работы, те теоретические доктрины, которые она опровергала и раскрывала, потрясли воображение! Гномы даже представить не могли, насколько великое открытие они сделали. Для них камера была лишь гениальным практическим инструментом. Не более. Не удержавшись, я схватилась за щёки и воскликнула, повторяя собственные мысли:

– Это гениально! Гениально!

Чаг и Гуль разомлели от такой похвалы, и их манна выплеснулась горячей волной удовольствия и радости. Глельм же вдруг нахмурился и сгорбился ещё сильнее. Он заподозрил, что смешался с братьями, в то время как, он считал, его талант несравненно больше и важнее. Он сердито отодвинул меня от Чага и Гуля и развернул к аппарату, который я уже видела, когда искривилось пространство.

– Ты ещё не видела это устройство. Его изобрёл я. Пока оно умеет только ходить. Но я уже закончил чертежи, и скоро, через месяц-другой, Ходун сможет искривлять пространство! Мы сможем добывать зверей со всей планеты, из любого места!

«Через месяц-другой?! – подумала я, и мне стала ясна вся сила и опасность Ходуна. Мы видели, как он искривляет пространство сегодня! А это значит только одно – через ме-

сяц-другой этот робот будет искривлять не только пространство, но и время, проходя между мирами».

Чаг и Гуль согласно кивали и довольно улыбались. Я держала улыбку на лице.

– Это бы всё ничего, – возразил Чаг, едва умолк Глёлъм. – Но на острове живёт эльф-маг, местный головач (т.е. высший аристократ, глава округа или острова – замечу от себя). И он, вполне может статься, не одобрит наши исследования. Он может нас разорить.

– О, нет, нет же! – снова воскликнула я, поддерживая образ импульсивной дамочки. – Я знаю этого эльфа! Ему нужна помощь. Да, помощь! Его эмоции ему очень сильно мешают. Вы обещаете ему забрать его эмоции, и он поддержит вас! Он такой простак! Как и все эльфы. Только представьте, чего можно достичь с этими устройствами! Вы сможете менять людей, и получать столько золота! Столько золота!!

Я схватила первого попавшегося гнома – им оказался Гуль – за руки и горячо потрясла, расширяя и расширяя улыбку, так что глаза превратились в щёлочки.

– Вы гении! Боги правые, вы такие гении!!

Мои восторги прервал Глёлъм, который довольно крикнул, почесал под бородой и сказал, что время выпить кофе с ромом и обсудить мои скромные предложения по чертежам. В чертежах я разбираюсь ещё хуже, чем в чистой магии, поэтому я внутренне сжалась. Я долго рассматривала линии, точки и подписи на толстой волокнистой бумаге и слуша-

ла пояснения гномов. Говорил, в основном, Глёлъм, и его немного примитивные предположения и объяснения подали мне нужную идею. Да, я знала, что следует попробовать, чтобы камера начала высвобождать волшебную силу предметов. Но я не знала, как мои мысли переложить на язык конструкций, приспособлений и инструментов. Поэтому я задумчиво высказала туманное теоретическое соображение и попросила кружку с кофе и ромом побольше. Мою просьбу тут же выполнил Гуль. Я сделала большой глоток, внутренне содрогаясь, затем качнулась всем корпусом и размашисто опустилась на скамью – доньшко кружки при этом громко стукнуло по столешнице. Гномы тут же переключились на фамильярно-рабочий лад и затянули, по гномьему обыкновению, спор о давно уже решённых проблемах и задачах. В основном, бессмысленные дебаты кружились вокруг камеры и Ходуна. Я поддакивала то одному, то другому из братьев, надеясь, что их дискуссия никогда не закончится. И действительно, вскоре гномы были так пьяны, что Глёлъм пытался обнять меня за талию и потрясти как молодую яблоню. Я тихонько прошипела дурманящее заклинание и опрометью бросилась вон. В тёмном коридоре я несколько раз потеряла направление, но вовремя сориентировалась по звукам. Мимо живодёров я проскочила с таким деловым видом, что они решили, будто я вот-вот не сдержу свой мочевой пузырь. Выбравшись снова в уютную сырую чашу, я сбросила личину и побежала со всех ног.

Я не разбираю пути и вскоре заблудилась так, что уже никогда не нашла бы дороги к замку. Но этого я не понимала и не помнила, я бежала, пока мне хватало дыхания и сил, а затем моя левая нога подвернулась, и я рухнула в сырую траву и прошлогоднюю листву. Надо мной, то смыкаясь, то расходясь, качались кроны деревьев. Солнце уже перешло через центр неба, и зелёные кучи надо мной покрылись причудливыми пятнами.

Время шло, и тени становились гуще. В них уже мерещились лесные кошмары, лешие-дупловики. Возможно, я бы уснула или потеряла сознание, но надо мной склонилась чья-то тень. Это был Эрэн.

– Вы заблудились, – сказал он недовольно.

– Нога...

– От вас пахнет ромом.

– Вы, Эрэн, ничего не знаете.

Аристократ молча поднял меня, так что мои ноги на секунду оторвались от земли, затем поставил – я вскрикнула, Эрэн закинул мою руку себе на плечо, взял меня под другую руку, и мы медленно пошли. Через пару минут ученик Мастера подвёл меня к серой в белых яблоках кобыле, будто ребёнок, легко посадил на луку седла, затем вскочил сам, и теперь мы уже поехали, а не поковыляли к замку. Я задремала, уронив голову на серый плащ эльфа. Мне снились кошмары, и я всхлипывала. Несколько раз Эрэн будил меня, прерывая мою муку. Наконец, на окраине леса, он остановил кобылу.

– Так что же с вами случилось?

– Там браконьеры, Эрэн.

– Браконьеры?!

– Они убивают редких животных.

– В нашем лесу?!

– Я еле убежала от них. Я напоила их и сбежала.

– Вы точно их видели?

– Да, но я не помню где! Я такая растяпа!.. Их нужно поймать, Эрэн! Они такие жестокие. Они где-то в чаще.

– Мы обыщем лес, – пообещал мой спаситель, он взял под контроль свои эмоции. Мы снова поехали. Кобыла, не спеша, прекрасно зная дорогу и уже предвкушая отдых, брела к замку. Я же ломала голову, как и что буду объяснять Мастеру. Очень странно с моей стороны приехать к нему в ученицы, а вместо этого стать защитницей животных, свидетелем в суде против браконьеров, да ещё вернуться в замок с вывихнутой ногой, листьями в волосах и одежде и на седле молодого мужчины.

Мастеру не были нужны мои объяснения. Наедине он холодно выслушал мой сбивчивый лепет, а затем произнёс:

– Вам придётся покинуть остров. Как свидетель, вы обязаны предстать на государственном суде.

Как же я ненавидела себя в эту секунду! Как я хотела плакать, выть и рвать на себе волосы! Но Мастер был прав. Маги должны заниматься магией, а не впутываться в светские и, тем более, криминальные неприятности.

С позором, который, я думала, не смогу пережить, я покинула остров Терезы ночным дирижаблем.

Столица

Я провела в столице год, три месяца и четыре дня. Это большой яркий город, и он обескуражил меня с первого взгляда. Он очень шумный, людной, и здесь всё близко, хотя горожане сетуют на большие расстояния. Полагаю, это правда, что в столице можно найти всё, что захочешь. Сюда привозят товары со всей Кари и из многих других стран. Поэтому магазины очень большие (хотя есть и маленькие), и их очень и очень много. Первый месяц я смотрелась смешно и даже нелепо на этих пёстрых улицах, где люди всегда чем-то заняты и озабочены, даже если ничего не делают. Я постоянно удивлялась, как можно так просто и безотчётно тратить своё время, вести такие пустые разговоры и ценить такие дешёвые предметы и явления, как одежда, сады, чужое мнение или чужие оплошности. Как можно осуждать человека за то, что о нём плохо отзывается некий аристократ, принижать талант учёного только потому, что Коллоквиум не согласился с его доводами?.. Более же всего поражало, с какой уверенностью иные столичные жители рассуждают о магии и науке, притом не имея ни достаточных сведений, ни сколько-нибудь глубокого образования. По их образу действий выходило, что для познания даже сложнейшей, тонкой магии достаточно раз в год обедать с каким-нибудь признанным мастером или пару раз побыть на званом балу с магистром, ко-

их, как известно, в мире всего 9. В обязанность их входит посещение различных крупных городов с целью просвещения молодых магов. И, конечно, в честь магистра неизменно устраивается званый бал.

Вся эта суета и сейчас не стало частью моей жизни, но я привыкла к тому, что люди думают таким образом. Их заботит, во что они одеты, но им безразлично, насколько они справедливы в своём суждении о чём-либо. Они без конца обсуждают поступки и неудачи других, но молчат о том, как мало постигли или создали сами. Тем не менее, сейчас я нахожу забавным и даже полезным время от времени заводить такие пустые разговоры – для того только, чтобы иметь добрых знакомых среди влиятельных особ.

Я вкратце расскажу о своей жизни в столице Кари, Асафетиде, и о том, что повлекло меня вновь на остров Терезы.

Расстроенная и подавленная своим изгнанием с острова Терезы, я забыла отправить хотя бы краткое извещение Его Превосходительству Генеральному Прокурору, что прибываю в столицу, когда меня ждать и с какой целью. Я пересекла по диагонали огромное королевство Кари, объединившее, кажется, все эльфийские земли и кланы, и прибыла в его главный город на большом речном корабле «Рассвет». Я растерялась, оказавшись в толчее порта, однако тут же выяснилось, что меня ждали. Стюард, молодой эльф с искусственно завитыми кудрями, подошёл ко мне с благожелательной улыбкой – с той снисходительной манерой, с которой столич-

ные жители относятся к любому приезжему.

– Ведьма Лог? Я очень рад вас видеть. Я стюард Его Превосходительства Генерального Прокурора Кари. Вы можете меня звать Бон или просто слуга. Мне поручено проводить вас всюду, где потребуется.

– Как вы узнали, что я прибуду? – искренне удивилась я, позволяя увлечь меня сквозь кишашую толпу куда-то на свободное место, к небольшой двухместной повозке, запряжённой прекрасным гнедым жеребцом.

– Губернатор Ратэ известил Его Превосходительство о том, что вы прибудете в столицу. Ведь у вас крайне важное сообщение, не так ли?

– Губернатор Ратэ? Мастер?

– Ну, если быть откровенным, – из-за толчков и суеты людей вокруг, стюард шёл, почти прижавшись ко мне, и голос его учтиво журчал у меня над самым ухом, – полагаю, это была его несравненная, обворожительная сестра, жемчужина острова Терезы, госпожа Милена.

– Милена?

– К сожалению, глава клана не слишком утруждает себя светским долгом, – как бы извинился стюард, и его тон возмутил меня.

– Маг и не должен заниматься светскими делами. Он должен заниматься магией!

На мою вспышку стюард ответил всеотпускающей улыбкой, с которой малышам прощают их глупость.

– Но ведь он, кроме того, губернатор острова. Разве можно допускать, чтобы гости родового имени пропадали в неизвестном направлении? Но не волнуйтесь, – примирительно закончил стюард. – Под письмом стоит подпись господина Ратэ. Посему приличия все соблюдены.

Мой провожатый помог мне взойти в повозку, одновременно он забрал мой чемодан и передал кучеру, а он, в свою очередь, положил чемодан под своё сиденье и закрепил специальным рычагом.

– Куда мы поедем? – спросила я, когда стюард устроился рядом со мной и покровительственно, хотя и не пересекая границ слуги, положил руку на спинку сидения позади меня.

– Прежде всего, не хотели бы вы сменить платье?

– Зачем?

Стюард изобразил что-то вроде сожаления и просьбы о прощении.

– Ведь вы уже получили диплом чародейства, не так ли? К чему вам и дальше носить ученическое платье?

– Диплом я получила. Но я не хотела бы тратить деньги на наряды.

– Вы бы предпочли потратить их на книги? – догадался стюард, и губы его дрогнули, будто он вот-вот разразится хохотом. – Не волнуйтесь, в столице для этого есть библиотеки. Вы купите абонемент всего за несколько таллов, и сможете брать книги для чтения бесплатно.

– Я знаю, что такое библиотеки, – заметила я сухо. – И всё

же мне не понятно, зачем мне менять платье.

Про себя я отметила, что одна только ткань для ливреи, что была на этом стюарде, безусловно, стоила дороже, чем год моего обучения в Чародейской школе. И, уж конечно, светское платье молодой аристократки будет стоить гораздо больше, чем есть у меня в кошельке.

– Ну, неужели вы хотите предстать перед судом этакой...

– Оборванкой? – закончила я за стюарда, он протестующе замотал головой, но тут же улыбнулся.

– Я хотел сказать скромницей.

Я задумалась. Вокруг уже тянулся город, и все его женщины были одеты ярко – если говорить о тех, кто заслуживает внимания. Тех, кто был плохо одет, провожали насмешливым или брезгливым взглядом. Служанки взирали на наряды аристократок с нескрываемым восторгом и завистью. «Может статься, – подумала я, – что суд не отнесётся к моим показаниям серьёзно, увидев, что я одета беднее, чем какой-то стюард».

– Хорошо, – согласилась я. – Мы заедем за платьем. Но учтите, что я не так богата, как Его Превосходительство.

Стюард изобразил сердечный поклон, что было трудно, поскольку он сидел.

Мы заехали в самый демократичный по ценам салон готовых нарядов и купили одно из самых скромных платьев. Оно было глубокого синего цвета, долу, с тонкими кружевами на манжетах и воротнике, а низ платья украшал неброский

узор, вышитый бисером. По настоянию стюарда, я дополнила наряд серебристыми серьгами с меонитом, прозрачным, как хрусталь, полудрагоценным камнем, и кипельно-белыми туфлями на невысоком каблуке.

– Прелестно, – заключил стюард, пребывая в полном самодовольстве. Он явно полагал, что превратил заморыша в юную госпожу. Я же считала, что меня обвесили довольно дорогими и бесполезными безделушками, которые никак не понадобятся мне ни в магистратуре, если я туда соберусь, ни дома, в лесной глуши Мории, ни в каком-либо из путешествий, если я решу начать образ жизни странствующей ведьмы.

После магазина Бон отвёз меня в ресторан, где мне пришлось проявить все качества благовоспитанной аристократки. К счастью, стюард галантно расплатился по моему счёту. За свои деньги я бы не купила в этом заведении и зёрнышка от кунжутной булочки.

Наконец, мы отправились в гостиницу, где останавливались и жили, как пояснил стюард, государственные лица, в том числе свидетели, и губернаторы, и министры, прибывшие в столицу по делам.

– Я должен сказать вам, – произнёс стюарт, пока я ставила подпись в реестре гостиницы, – что процесс может затянуться. И если вам станет скучно в государственной гостинице, вы всегда свободны покинуть это место и потребовать с меня подобрать вам такое жильё, которое оградит вас комфортом

и покоем в часы досуга.

– Мне нравится здесь, – немного удивилась я.

Гостиница была просторная, делилась на два крыла. Снаружи она была украшена парком и клумбами, а изнутри – большими окнами, старой позолотой и пурпурной парчой. Моя комната была в четыре раза больше той, что была у меня в общежитии чародейской школы, и в два раза больше той, что мне отводили в замке на острове Терезы. Она была больше даже той комнаты, в которой я жила дома. Пол был укрыт сверкающей мягкой плиткой с простым узором, стены покрывали матовые текстурные обои бежево-золотистого цвета и белые и розовые шифоновые драпировки, окна прикрывали белые кружевные тюли. Пространство было обставлено так, чтобы образовывать несколько зон: спальню, гардеробную и гостиную, если вдруг у меня будут посетители. Широкая кровать под атласным покрывалом была закрыта от гостиной занятиной шестистворной ширмой, на которой была изображена пастушка в розовых шифонах, умильные кудрявые овечки и то ли пастушок, то ли молодой аристократ, играющий на свирели и шутливо улыбающийся девушке. Конечно, картина не шла в сравнение с творениями Гётса, Саурима или других великих художников, но она была милой, забавной и очень гармонично вписывалась в обстановку комнаты.

На прощание Бон дал мне свой микрофон, который до этого он нёс на левом ухе в виде кафа, и сообщил, что я могу

вызывать его в любое время дня и ночи и полностью располагать им. Он обещал, что всюду проводит меня, всё объяснит и, если я пожелаю, представит меня в любом обществе. Слушая его, я впервые заподозрила, что мне придётся пробыть в столице гораздо дольше, чем я ожидала.

Действительно, так оно и вышло. Я больше пятнадцати раз посещала дознавательный корпус, повторяя и уточняя свои показания, дважды меня подвергали гипнозу. Помимо событий, произошедших в лесу на острове Терезы, я рассказывала о своём прошлом, своей семье, даже о своей жизни в чародейской школе. Иногда, пытаясь уличить меня в рассеянности или лжи, мне давали перечитывать запись прежних моих показаний, в которых намеренно были сделаны неточности и ошибки. Я неизменно указывала на отклонения и терпеливо повторяла правильный вариант. Как я узнала позже, вместе с тем, как велись бесконечные допросы, в Морию, чародейскую школу и даже на остров Терезы были отправлены запросы на мою подробную характеристику и проверку моих показаний и документов. Наконец, дознание было окончено, мои показания проверили, приняли и записали в уголовное дело. Однако покидать столицу мне запрещалось. Гномы всё ещё не были пойманы, а улики ещё не были собраны в достаточном количестве. Мне предписывалось оставаться в городе, пока не закончится следствие и судебное разбирательство. Иными словами, пока не будет вынесен приговор.

Так прошли 16 дней. В свободное от конторы время я призывала Бона и просила показать мне столицу. Мы ездили по улицам на двухместном экипаже, и стюард знакомил меня с достопримечательностями, культурными и научными центрами города, а также с его обычаями, нравами и законами. Очевидно, я выделялась из толпы тем, что появлялась регулярно после трёх часов дня и неизменно была в одном и том же синем платье. К этому выводу я пришла, разглядывая три визитных карточки. Это было в конце первой недели, я вернулась с экскурсии, и регистратор гостиницы вместе с ключом передал мне три небольших ламинированных листа мелованного картона. На каждом значились незнакомое имя, фамилия, титул и должность, а также мостились, мешая друг другу, завитки, линейки и другие украшения. На следующий день я спросила у Бона, что это значит, и он пояснил:

– С вами хотят познакомиться. Должен признаться, вы произвели впечатление! Сразу трое аристократов просят вас навестить их, чтобы познакомиться лично.

– Я должна пойти?

– Если желаете считаться благовоспитанной.

Мне не пришлось задумываться. Я не могла себе позволить опорочить имя моей семьи. Поэтому, перед экскурсией, мы отправились на почту, и я телеграфировала в Лог, чтобы мне выслали дополнительные средства. На следующий день вместо увлекательной прогулки по городу я, с помощью Бона, выбирала и заказывала ткани и платья, подходящие «для

первого знакомства», как выразился стюард. В начале следующей недели я навестила три аристократических дома: Камю, Палеи Джали. Эти дома не принадлежали к высшему кругу светской элиты, более того, имели довольно узкие связи и никак не относились к магическим кругам. Тем не менее, я нашла этих эльфов довольно приятными и даже интересными. В разговоре меня удивляло, как такие утончённые натуры, от рождения связанные с природой и красотой, могут столь бессмысленно тратить жизнь. По большому счёту, их заботы сводились к эффекту, который они производили или могли произвести на «окружение», и покупке всех подряд модных дорогих вещей, не разделяя предметы искусства и быта. В последнем из домов, Джали, молодая хозяйка дома пригласила меня на ужин для «а пети», т.е. узкого круга.

Закончив визиты, я поручила Бону продать мои платья – мне хотелось вернуть хотя бы часть их стоимости, к тому же, не имело смысла надевать их второй раз. Бон справился с задачей превосходно, мне вернулась почти полная стоимость, однако всю её, прибавив ещё немаленькую сумму, мне пришлось потратить на новый наряд – для вечера, на который меня пригласила госпожа Джали.

В дальнейшем в моей столичной жизни оставалось всё меньше времени и желания для развития души, магии и ума, и всё больше сил и внимания тратилось на общение, выбор нарядов и вечеринок или завтраков, пьес или магазинов, куда меня пригласили. Больше всего меня удивляло, как много

мужчин и женщин вдруг стали называться моими «а», то есть приятелями. Все они отчего-то находили меня остроумной, «ами», т.е. интересной, достойной более близкого общения. Различные семьи в той или иной степени оказывали мне покровительство, три семьи были особенно и постоянно добры ко мне, выражая свою симпатию дорогими подарками и рекомендательными знакомствами с лучшими ремесленниками города. Мне более не приходилось самой оплачивать наряды, прокат или покупку драгоценностей, экипажей и даже «лёрэ», т.е. завтрак, обед или ужин в ресторане. Из государственной гостиницы я переехала в «бельэтаж», т.е. сняла этаж в частном доме с пансионом. В моём новом кругу было неприлично жить в государственной гостинице, тем более – имея столько связей и столь уважаемых покровителей. Триумфом моей светской жизни стал небольшой приём, для которого я наняла двухэтажный домик в простодушном стиле, весь укрытый зеленью плюща и розовых кустов, и камерный оркестр духовых инструментов. В столице потом говорили: «Не ожидал, что дудка может быть столь благозвучна».

Мою жизнь поглотила суета, и мелочность была уже рядом. Судебный процесс, которого поначалу я ждала с таким нетерпением, прошёл незаметно, даже скучно, вызвал у меня не больше эмоций и мыслей, чем ежедневный визит в миграционную контору, в которой я подтверждала, что нахожусь в городе. Гномы, 13 живодёров, 2 связных и три главаря (Глёлем, Чар и Гуль) были признаны виновными в брако-

ньерстве и незаконной трудовой деятельности на территории частных владений. Живодёров приговорили к смертной казни – все они были отправлены на съедение драконам. Связные были приговорены к каторжным работам. Глёлъм, Чар и Гуль были осуждены на исправительные работы в международной изобретательской лаборатории гномьего королевства Цыга (откуда были родом братья). Самым тяжёлым ударом для них, бесспорно, был пункт в приговоре, по которому их гениальные изобретения – компрессионная камера и Ходун, изымались из их авторства и владения и переходили в полную собственность Научного сообщества, с приоритетом в пользу международной цыгской изобретательской лаборатории.

Некоторое время после процесса моё имя регулярно появлялось в прессе и пользовалось особой популярностью в аристократической среде. Я получила ворох приглашений к знакомству, посетила самые престижные дома столицы, обзавелась «а» среди высшей аристократии. Генеральный Прокурор пригласил меня на ужин в виде бала. Почти три месяца прошли в таком сумбуре, что я едва отдавала себе отчёт в том, где я, что и зачем делаю. Бессонные ночи, утренние променады, т.е. прогулки, дневной сон урывками и бесконечная воронка новых лиц, имён, мест... Я не знаю, как сложилась бы моя судьба дальше, но 24 октября, утром, просматривая почту, я увидела письмо с острова Терезы. Дом Ратэ выражал благодарность за мою роль в освобождении острова от

незаконных деяний преступников, смелость, повлёкшую меня в Столицу, и решимость, давшую дойти до конца и предстать перед судом в роли ключевого свидетеля обвинения. Семья Ратэ приглашала меня в на Остров в качестве почётной гостыи... Я пересказываю это письмо, но не могу воскресить ту бурю эмоций, чувств и воспоминаний, смешанных с нечётким, но сильным предчувствием, которые охватили меня в ту минуту. В моей памяти, как наяву, воскресли Мастер, химико-магическая лаборатория, Милена, чарующий дремучий лес, окружённый изумрудными пашнями... Мне хватило недели, чтобы попрощаться со всеми своими знакомыми, распорядиться небольшим имуществом и закрыть все дела и счета. 31 октября я взошла на борт «Адели» – безудержно, будто заклятем, влекомая на остров Терезы.

Первое возвращение на остров Терезы

На этот раз мне не повезло попасть на дирижабль – он отбыл из Асафетиды днём ранее. Поэтому до острова я добиралась сначала ветровым паромом, затем поездом и, наконец, на корабле. Это было долгое, утомительное, двухнедельное путешествие, наполненное до краёв моего терпения постными разговорами, шёпотом за спиной, тусклой, отгремевшей, но ещё не забытой славой и подчёркнутой вежливостью незнакомых и ненужных мне лиц. Наконец, мы причалили. У пирса меня встречала сама госпожа Ратэ, незнакомый мне эльфийский мужчина, которого Милена держала под руку, и господин Эрэн. Госпожа Милена очень тепло

приветствовала меня. Она напомнила мне, что я уже встречалась с Эреном, и заметила, что теперь он управляющий дома Ратэ.

Молодой эльф был одет по-светски, в дорожную одежду, а светлые кудри прикрывала модная широкополая шляпа с белым пером цапли. Его лицо было строгим и ничем не выражало доброжелательности, однако он любезно подставил мне руку, чтобы я могла опереться. Ободрённая этим жестом и ласковым взглядом Милены, я отважилась на несколько фамильярный вопрос:

– А где же ваш господин, милорд?

Перед ответом Эрэн поджал губы, в эту секунду его мана коротким всплеском прорвала кору сдержанности – и вновь исчезла, заросла, погребённая смолой и новой, ещё тонкой коркой приличного тона. Я успела различить лишь напряжение и ноту раздражения – прочие цвета и запахи маны исчезли раньше, чем я опознала их.

– Господин Ратэ пропал без вести, – монотонно ответил Эрэн. Я застыла – от резкой остановки эльфа слегка развернуло ко мне.

– Пропал?! Когда?!

– Господин не вернулся с конной прогулки около двух недель назад, – произнёс Эрэн, и теперь я чётко различила его досаду и раздражение против... Мастера.

– Где он совершал конную прогулку? – почти потребовала я.

– На северной оконечности острова, – ответил управляющий Ратэ и счёл разговор законченным. Я вырвала у него руку:

– Я найду его! – выпалила я и бросилась прочь от пирса.

– Лог!! – Сильная волна негодования толкнула меня в лопатки, но я обернулась только на секунду, увидев, как Милена останавливает Эрэна за рукав, и глаза её задумчиво провожают меня. Да, она догадалась. Я ЗНАЛА, куда бежать.

Безусловно, я выглядела сумасшедшей. В столичном платье, с жемчугом в волосах, в драгоценной камее в белых кружевах, в лёгком шерстяном мантио и замшевых дерби на каблуках. Я выбежала из города и бросилась дальше. Будто что-то вело меня – да, определённо это была нить, оставленная Мастером, но тогда я этого не понимала, не отдавала себе отчёта. Я пробежала через край той дремучей чащи, в которой так давно столкнулась с живодёрами. Дыхания не хватало, а ноги болели в узкой обуви. Я замедлилась и остановилась, чтобы отдохнуть. Воздух раздирал горло при каждом вдохе и с хрипом вырывался на выдохе. Я держалась за грудь, будто это могло помочь крови течь медленнее. И вдруг я увидела – бирюзовый блик на золотой траве, на склоне не то оврага, не то обрыва. Я боком, оскальзываясь, спустилась и подняла эту вещь. Перчатка для конной езды. На тыльной стороне – герб дома Ратэ. «Он был здесь!!» От волнения я потеряла равновесие и упала, не смягчив руками удар. Я спрятала перчатку в клатч, так и болтавшийся на мо-

ём левом запястье, и огляделась. «Куда мог деться верховой, при этом уронив перчатку?.. Очевидно, конь скинул наездника...» Как можно осторожнее, глубоко врезая каблуки в сырую землю и цепляясь за более крепкие стебли сухой травы, я спустилась ещё ниже.

Это был обрыв. Высокая трава и земля, державшая её, кончались у самых моих ног. Пространство улетало вниз, в бушующую пасть расселины, где кипели и взрывались волны залива, зажатые между островом и высоким осколком, когда-то отщепившимся от него. Вершина останца была плоской, будто кто-то срезал её огромным ножом, но гораздо важнее было то, что она была покрыта сочной зелёной травой. Вокруг свистел ноябрьский ветер, залив был тёмно-серым, в белых кучерях пены, трава у моих ног была золотисто-жёлтой, сухие стебли торчали вверх и в стороны, будто кости оживающих скелетов. Останец же на вершине был покрыт шелковистой травой, как в начале лета. «Аномалия», — догадалась я.

Сбросив мантию, упавшее с плеч и мешавшее локтям, я глубоко запустила руку в клатч. Нужный артефакт лежал у дна, в потайном кармашке. Линза Карца. Дрожащими от волнения и холода пальцами я поднесла окуляр к лицу... но так и не донесла до глаза. Обычным взглядом я увидела, как нечто, едва телесное и совершенно безразличное к миру вокруг, спустилось, подобно приведению, с правого края обрыва, приблизилось к точке, примерно в двух человеческих

ростах от вершины и точно напротив меня. Затем существо раздвинуло некий магический полог и исчезло в пещере. Заворожённая обнажающейся тайной, я едва не упустила из внимания, что существо было не одно. Оно несло человека, и тот отчаянно махал руками и ногами, пытаюсь вырваться.

«Нет!! Я не заслужил! – кричал человек, и ветер и прибой сглатывали его слова и голос. – Отпусти меня!!»

Я поняла не всё из того, что происходило. Но мне очевидно было, что эта нора – тюрьма, если не сотканная из магии, то пронизанная ей. Я мгновенно представила, как, поднявшись с травы, Мастер неотрывно смотрит на осколок острова, на часть его имени, ставшую логовом невероятно сложного и могущественного магического существа. Какой же ученый откажется от искушения узнать о новом явлении больше?

Что за создание обитало в останце, я не знала и даже не могла себе представить, но я отчётливо понимала и чувствовала: Мастер может быть только в той норе, что скрыта за пологом. Сам ли он вошёл в неё, или его утащило полутелесное существо – не важно.

Я поняла, что должна делать, и заледеневшей спине стало жарко. Я уселась на траву и торопливо, ломая ногти, расшнуровала и стянула дерби, а затем и чулки. Сила моринских ведьм питается от земли, и сейчас мне нужен был максимальный контакт с ней. Я встала, сняла и отшвырнула клатч. Собрала всю свою манну в мощный ком энергии и – не раз-

бегаясь – прыгнула, удерживая нору в самом центре своей концентрации.

Думаю, это было очень рискованно, почти наверняка – самоубийство. Вход мог быть защищён от постороннего вторжения, мне могло не хватить концентрации для парящего полёта, и я могла рухнуть вниз, в расселину. Но мои ноги уверенно ступили на каменистый, холодный и колючий от мелких камешков пол.

Затем я увидела то, что трудно описать словами. Утроба останца находилась вне времени и пространства, или, точнее, была местом, куда втекало огромное множество пространств и времён. Говоря в научных терминах, это была кротовая нора. О подобном нам рассказывали на астрономии. Однако кротовые норы – это аномалии пространства, вызванные физическими причинами и расположенные в отдалённых пределах Космоса и Хаоса.

Место, где я оказалась, было кротовой норой, но при этом находилось в поле обитаемой планеты, а все выходы из норы были запечатаны, кроме одного – того, что вёл в моё пространство-время. Обрубки иных пространств и времён переплетались здесь, подобно спутанным нитям. Пробираясь вперёд, если можно говорить о направлении в месте, которому чуждо само понятие пространства, я видела разные миры и множество разных существ: и людей, и эльфов, и гномов, и незнакомых мне представителей разумного мира. Все они забыли, что пленники, и каждый переживал какой-то момент

из своей жизни – я догадывалась, что одну и ту же ситуацию они, как куклы в шарманке, играли раз за разом, не понимая, что находятся в цикле. Ещё одним открытием было то, что все пленники – преступники либо против закона власти, либо против морали. Я узнала двоих из заключённых – людей, кузенов Клода и Мориса. Когда я была маленькой, их именами пугали детей. Эти люди занимались контрабандой, браконьерством, убийствами и насилием, ограблениями, мошенничествами и работорговлей. Они создали настолько обширную преступную сеть, что казалось, будто правительства всех главных государств планеты в сговоре с ними. Однако однажды кузены просто исчезли. Обезглавленная, их организация развалилась и вскоре перестала существовать. Теперь-то я знала, что произошло с Клодом и Морисом.

Я поймала себя на том, что не ощущаю больше холода пола и остроты мелких камней. Опустив взгляд, я увидела, что обута в кысы – моринские меховые сапоги. Нора начала действовать и на меня. Я испугалась, похлопала себя по щекам, понимая, что это бесполезно, и прибавила шаг. Не могу сказать, как скоро, но я нашла Мастера. Мне было трудно его узнать. Он был одет в костюм для верховой езды, дорогой и прекрасно сшитый, подчёркивавший его рост и спортивную фигуру. Его волосы были темно-русыми, а узора не было ни на лице, ни на руках.

– Мастер! Я нашла вас! – Я вскрикнула от радости – подбежала к нему.

– Кто вы? – удивился маг и тут же лихорадочно огляделся. Мне стоило догадаться раньше. Мастер застрял в некоей прошлой минуте, когда еще не был мастером и не знал меня.

– Я пришла за вами, мы должны уходить отсюда, и как можно скорее! – выговорила я на одном дыхании, вкладывая весь свой порыв в интонацию.

– Кто вы? – нахмурился маг. Уголки его губ опустились вниз точно так же, как в тот день, когда он выпроваживал меня с острова Терезы.

– Я Мелисса Лог, ведьма из Мории, химик!

Пространство между нами колыхнулось, как зыбь воды, в которую случайно упала муха. На шее Мастер, скулах и вдоль линии роста волос появились черные завитки узора, волосы стали черными, как безлунная ночь.

– Зачем ты пришла?

– Я пришла за вами! Вы застряли в останце!

– Останец... – Пространство вновь колыхнулось, и я, наконец, увидела прежнего Мастера. Однако вместо готовности отправляться в путь на лице моего кумира отразилось хмурое неудовольствие.

– Я не закончил исследование... – начал Мастер, но я перебила:

– Две недели уже прошло!!

– Нет, – усмехнулся Мастер с уверенностью академика.

– Мастер, вы понимаете, где находитесь?! – воскликнула я с негодованием. – Это кротовая нора! Она стирает вас! Она

съедает вас, пока не запрет в одной крошечной точке вами же выдуманного времени! – Мастер посмотрел на меня с недоверием. – Почему вы в мантии? Вы же были верхом. И где ваша вторая перчатка? Вы помните? Это...

– Гнездо крота-линчевателя.

– Да, – поддержала я, будто знала этот термин. – И это место уже действует на вас. Мы должны выбираться! Скорее!

Вместо ответа Мастер рывком притянул меня к себе, и я почувствовала, как острые, как у всех эльфов, клыки коснулись моей шеи. Я буду честной, если признаюсь, что не знаю, чего испугалась больше: той близости, в которой оказалась к Мастеру, или того, что он меня укусит. Маг отстранился, и я смогла заглянуть в его ледяные глаза. Мне было жарко и страшно.

– Я ушел, потому что ты должна была приехать...

– Дда... Хорошо, – пробормотала я. Маг ослабил объятия, и я смогла отстраниться, наслаждаясь прохладным воздухом между моей и его одеждой. Воздух пещеры стал казаться мне свежим, поскольку сама я будто на костре горела.

– Ты же не думала, что это татуировка? – спросил Мастер, и мне послышалась ирония, даже сарказм.

– Нет, – сказала я уверенно, хотя не поняла, к чему относился вопрос.

– Это метка дома Ратэ. Чем сильнее связь с родовой магией, тем обширней узор. Ты нашла меня по нити, которая ускользнула от всех, и пришла за мной в гнездо линчевателя.

Ты достойна носить эту метку.

Я, наконец, уловила его логику. Мой рассудок восстал в праведном возмущении, и я отпрянула назад.

– Мастер!! Я не хочу остаться здесь навсегда! Я уже не помню, как шла сюда! Скорее!

Он посмотрел на меня с той грустью, какой родители ода-ривают своего умственно отсталого, но любимого ребенка. Я требовательно протянула руку – маг внял моему жесту отчаянья и сжал мои пальцы.

– Ты помнишь, куда идти? – спросил маг без тени беспокойства.

– Нет. Мы будем бежать!

И я побежала. Я мысленно хлестала свою память, кричала на своё сознание, чтобы оно не смело задерживаться на одной мысли, ругала ноги за то, что они слишком медленные. Мастер не помогал мне. Он был уже во власти Гнезда. Мне хотелось плакать от обиды, злости и усталости, но всё, что я могла и должна была – это бежать.

– Осторожно!

Если бы Мастер не отдернул меня, я свалилась бы с обрыва. Я испуганно прижалась к магу, цепляясь за его одежду. Теперь на нем был костюм для вехрохой езды и теплый плащ, испачканный осенней грязью. На левой руке была перчатка, на правой – нет.

– Я ещё не принёс тебе клятву, а ты уже хочешь сделать меня вдовцом, – отчитал меня Мастер.

– Я не нарочно. – оправдалась я. – Света же не было видно.

Мастер не ответил. Он окинул взглядом кусочек ровной земли, на котором мы стояли, скалу, уносившуюся вверх и вниз от нас, поинтересовался:

– Как же ты спустилась?

Мы вышли в другом месте – не из останца, а из обрыва на острове, при этом гораздо дальше к заливу от того места, где я нашла перчатку великого мага. Скала дугой уходила влево, тянулась вверх и вниз одинаковой вертикалью. Мы стояли на крошечном уступе, выщербленном ветрами.

– Я заходила не здесь. Я прыгнула в останец. Там тоже есть вход.

Я посмотрела вверх. Небо закрывали серые тучи и сыпали редкий, крупинками снег. Было очень холодно – и это было прекрасно. Мы выбрались из затхлого, стоячего воздуха ловушки. Насладившись двумя глубокими вдохами свежего морозного ветра, я снова посмотрела на скалу. Едва заметный, но уклон всё-таки был.

– Если бы не платье, было бы не очень трудно забраться, – предположила я.

– Так сними его, – предложил великий маг.

– Мастер!! – воскликнула я, поражённая такой бестактностью.

– Лесиастрат, – исправил меня маг, и голос его прозвучал где-то очень далеко или глубоко во мне.

– Что?..

– Глупо всё ещё называть меня по званию. Называй меня именем.

Только теперь я ощутила то, что великий маг пытался сказать мне уже в третий раз. Он называл меня своей. Моё сердце ёкнуло и, кажется, остановилось. Не знаю, как я выглядела, но Мастер прижал меня к себе, зубами снял перчатку и приложил к моей щеке шероховатую прохладную руку. Очевидно, стараясь удержать от обморока. Я заставила себя считать до десяти, потом до двадцати и дышать, дышать, дышать. Очевидно, мой облик стал надежнее, поскольку Мастер решился на более смелый шаг – он взял мою руку и поцеловал выше запястья. К своему стыду, я тихо восхищенно запищала. Маг обратил ко мне смеющийся взгляд. И, полагаю, с этой секунды судьба моя была предрешена. Увидев улыбку в глубине его глаз и на губах, ласковые искры в густой зеленоватой мане, которая сейчас согревала нас обоих и не давала нам свалиться под порывами ветра в расщелину... Я потеряла свое сердце окончательно.

Лесиастрат наклонился ко мне, и его губы коснулись моих. Я обхватила его шею руками. Сердце гудело, и вся душа моя, охваченная пламенем, вплавлялась в какую-то новую сущность, не «он» и не «я», а нечто иное, чего не было прежде.

Лишь когда мы отстранились, я снова вспомнила, что мы застряли на уступе между небом и пропастью, вновь посмотрела вверх по склону.

– Как же нам выбраться?..

Лесиастрат усмехнулся.

– Держись за меня.

Повторять было бы лишнее. Едва маг присогнул колени, я схватилась его за плечо и повисла, как цепкий медвежонок. Лесиастрат прижал меня за талию чуть крепче, выпрямился, и мы плавно поднялись в воздух. Мастеру не нужно было ни тянуть руку вверх, ни шептать заклинание – он просто держал свободную руку слегка наотлёт, и мы оба, как невесомые духи, плыли выше и выше, пока не смогли шагнуть на золотую траву острова Терезы. Лесиастрат отпустил меня, но, уже стоя на земле, я не сразу смогла оторваться от одежды великого мага.

– Испугалась?

Я помотала головой, но, думаю, это выглядело жалко. Предполагаю, что я была бледна, и губы мои были сжаты в тонкую нить.

– Неужели это страшнее, чем летать на дирижабле? – удивился эльф.

– Дирижабль я точно знаю, как работает и от чего может сломаться. А с чистой магией никогда ничего не понятно.

Маг слегка покачал головой. Думаю, он составил неблагоприятное мнение о той чародейской школе, которую я окончила. Однако у нас были заботы, более неотложные, чем обсуждение приёмов магии и качества современного образования. Снег по-прежнему сыпался с неба, и ветер на открытом

месте завывал с большей силой. Мои ноги были без обуви и мокрыми, а платье хлопало, как крыло дракона, мечущегося в агонии. Пальцы и спина заледенели, я уже почти их не чувствовала.

Понимая, что я не дойду пешком до замка, Лесиастрат произнёс очередное заклинание. За этим не последовало ни сияния, ни сплетения сложного узора – ничего. Но уверяю, на следующие 20 секунд я перестала мёрзнуть и, кажется, моргать. Лес начинался совсем рядом, и из его ветвей, какого-то бревна, травы и листьев прямо перед нами собрался изумительный конь, глазами которому служили рябиновые кисти, ушами – острые ветки, гривой – золотая листва, а попой – изумрудно-зелёный мох. Родившись и ожив, конь встряхнулся, осыпав землю россыпью брызг. И вот перед нами стоял деревянный полусобраный-полусплетённый конь, и каждая наружная веточка его была сухой, а внутри там и тут было видно, как поблескивает тёмная влага. Я задохнулась от восторга, но маг не дал мне выразить мои чувства. Он поднял меня на руки и усадил на коня. Волшебное существо чуть повернуло голову и покосилось на меня охряным глазом. Ресницы из рябиновых листьев мягко сомкнулись и разомкнулись. Лесиастрат сел следом и приказал коню ехать в замок Ратэ.

– Быстрее, но осторожно, – добавил маг, и конь, мотнув гривой на столь замысловатый указ, поехал сначала шагом, затем рысцей и, наконец, галопом, едва касаясь деревянны-

ми копытами земли. Одной рукой Лесиастрат крепко держался за сучья на шее коня, второй – прижимал меня к груди, чтобы я не упала, но и сама я вцепилась в ветви коня. Корни, кочки и рытвины летели под нами, в лесу казалось, что кусты и деревья вот-вот исполосуют нам лица, однако ни одной царапины не осталось ни на нашей коже, ни на наших одеждах. Вскоре волшебный конь замедлился, перешёл на рысь, затем на шаг – мы въехали в ворота замка. Привратник, бросив алебарду, будто в смертельном испуге, побежал в парадные двери, едва не упав на ступенях высокого крыльца. Второй привратник, напротив, побежал к нам, принял меня, затем подал руку своему господину – но это было лишнее. Лесиастрат был опытным наездником и легко спрыгнул с мшистой попоны. Обернувшись к коню, он не сказал ему ни слова – только кивнул. Конь ответил таким же движением и, с места взяв галоп, исчез за воротами. Лесиастрат укрыл мои плечи плащом, который снял и уже две секунды держал наготове привратник.

Когда мы вошли в холл, госпожа Милена уже почти добежала до парадного входа. Увидев нас, она резко остановилась, будто вспомнив о приличиях, но тут же снова побежала.

– Ради благих и невинных!! Где вы были?!! – прошептала прекрасная лии, и длинные ресницы блестели от слёз.

– Позаботься о ней, – попросил сестру великий маг и передал меня ей. Госпожа коротко кивнула, обняла меня за пле-

чи и повела к лестнице на второй этаж. Сейчас ей хотелось быть с братом, и я бы дошла до своей комнаты сама – но я не знала, куда идти. К счастью, у лестницы нас встретил Эрэн. Я не заметила, когда он вышел из внутренних помещений.

– Я позабочусь о госпоже, – пообещал он Милене, и та с благодарностью посмотрела на управляющего, передала меня, будто ценнейший артефакт, и легкой тенью вернулась к брату – чтобы обнять, укрыть лицо на его груди, а затем ударить ладонью по плечу, осыпать упрёками, лаской и вопросами.

Эрэн увёл меня во внутренний коридор. Я улыбалась. Я была счастлива. Радость, наполнившая этот дом с нашим возвращением, вливалась в меня и всё обращала в блаженство. Сейчас я чувствовала больше, чем когда-либо в жизни. И Эрэн, с его замкнутостью и скрытностью, был рядом со мной как поющая свирель – каждая нота, каждый такт отдавались в моём сердце.

– Я вызову лекаря, – предупредил управляющий. – Вы могли простудить лёгкие.

– Это не важно, – возразила я. Нет, не об этом сейчас нужно было говорить. То, что кипело, должно было вырваться наружу, стать жизнью, стать словом, иначе обратится в яд и мглу. «Говори же, Эрэн!»

– Я ошибался в вас.

– И я себя не знала. И вас не знала, Эрэн.

Мы остановились, и эльф в явном замешательстве по-

смотрел на меня. Полагаю, я выглядела крайне нелепо – рас-
трепанная, грязная, но блаженно улыбающаяся. Вероятно, от
ложного вывода эльфа остановила мана, которую, бесспорно
он замечал, и которая сгустилась вокруг нас, покрывая зеле-
но-золотым туманом.

– Что?

– Я думала, вы меня ненавидите.

– Нет. Я просто не мог вас понять... Вы завладели мысля-
ми Мастера и уехали, ни разу не прислав письма.

– Кому же дано постичь чужую душу?.. Мы простились с
Мастером холодно. Или просто я не могла тогда его видеть.
Была уверена, что Мастер презирает меня.

– А теперь каковы ваши мысли?

– Кажется, он хочет сделать меня своей женой. – От этого
слова мне стало еще приятнее, еще теплее и уютнее и немно-
жечко горделиво.

– Вы станете его женой? – на всякий случай уточнил Эр-
эн, хотя, полагаю, по моему лицу ответ было невозможно не
прочитать.

– Конечно. Куда же я денусь, когда наши судьбы уже спле-
тены в неделимую смесь?

– Это будет непросто, – заметил управляющий.

– Я не боюсь. Вы боитесь? – Меня будто с неба осенила
догадка. – Вы поэтому не просите Милену стать вашей же-
ной?

– Ж... Что??

Ох, я знаю. Так делают ведьмы. Они ошарашивают слушателя догадками, задают вопрос, который вдруг обнажает самую потаённую, самую болезненную часть души, и делают это с таким видом, будто тайна известна давно и всему миру. В те минуты, конечно, я поступила бестактно, но моя голова и мой рот будто не принадлежали мне. Я была счастлива и хотела, чтобы все вокруг обязательно были счастливы.

– Пока вы боитесь, она выйдет замуж за этого типа, который был на пирсе, – предупредила я полусерьёзно. – Неужели вы себе это простите?

– Не понимаю, о чём вы говорите, – попытался укрыться от меня Эрэн, но я видела всю энергию этой истории, этой давней запуганной классовыми глупостями любви, и долг ведьмы взывал или глупая жажда расширить чувство блаженства взывали ко мне и управляли мной.

– Просто попросите её, Эрэн, – сказала я серьёзно и убедительно. – Она не откажет. Вы – опора этого дома. Не ученик и не слуга. Если и может остаться в нём практическая жизнь, то только с вами. Вы не расплещете её и не потратите на чушь. Вы понимаете этот дом, он – ваш. И вам управлять его делами. И вам – оберегать и нежный бархат Милены, и сверкающий янтарь Мастера, и то, что вот-вот закипит и забьётся сумасшедшим фонтаном и водопадом. Не смей меня слушаться! – закончила я и пальцем ведьмы указала на сердце эльфа. И, как и должно быть, я сразу ощутила усталость, даже опустошённость, ощутила, насколько я все-

го лишь женщина, смертная и телесная представительница человеческого рода. Угадав моё состояние, Эрэн поддержал меня под руку, помог дойти до большой уютной спальни и лечь в кровать – поверх одеял, не раздеваясь и даже не сняв промокшую верхнюю юбку. Весь туалет был проведён позже, я едва просыпалась, потревоженная заботливыми руками двух ловких служанок.

Очнулась я на следующее утро около девяти. Я чувствовала себя вполне здоровой, только горло немного саднило, а нос был заложен – небольшая простуда, не более того. Лекарь приехал около полудня и подтвердил мой диагноз, прописал полоскание и тёплое питьё. Я виновато проводила его до дверей комнаты, а едва он ушёл, ко мне постучала Милена. Ей не терпелось выразить благодарность и признательность, излить свою радость, и она говорила без умолку, называя меня госпожой, что очень меня смущало и одновременно льстило.

За обедом разговоры вновь и вновь возвращались к гнезду линчевателя, и Эрэн с Мастером перебирали теории пространства и магии. Милена считала, что необходимо составить подробное описание Гнезда и опубликовать в научном журнале – она полагала, что подобных аномалий не может быть много на планете, и Гнездо должно стать достоянием науки. Меня пытались расспрашивать, как я смогла найти Мастера, а затем – выход из ловушки, но я очень смущалась, и, в конце концов, мне позволили просто слушать и есть, вос-

полняя потраченные силы. После десерта меня пригласили в общую комнату отдыха. Я хотела отказаться, но Лесиастрат взял меня за локоть и развернул в нужном направлении. Я покорилась.

Комната отдыха была убрана к Новому году. Увидев блестящие украшения и пушистую пихту, унизанную гирляндами и матово светящимися шарами, Милена вновь поразила, как долго нас не было. Действительно, я прибыла на остров Терезы 14 ноября, а вырвались из ловушки мы чуть раньше середины декабря, 13 числа.

Лесиастрат перехватил меня за запястье и подвёл к нарядному дереву. Я поняла его намерения – как и все в комнате. Но я не ожидала, что это и будет обряд бракосочетания.

– Милена, моя сестра. Эрэн, мой ученик, управляющий и боги знают кто ещё. Перед вами, как перед самыми близкими, и перед всеми богами мира, если таковые существуют, я хочу принести клятву. – Я вздрогнула и беспомощно обвела всех взглядом. Милена улыбалась уголками губ и чуть приметно кивала, словно брат повторял ими вместе разученный текст. Эрэн, как всегда, был непроницаем, но я улавливала лёгкое напряжение, будто он боялся, что именно сейчас я откажусь. Лесиастрат повернул меня к себе и попытался заглянуть в глаза, но я только глупо улыбнулась и сжала его пальцы. Думаю, он плохо понимал, что происходит у меня внутри. Я не знала, что говорить в ответ на клятву и вообще не знала, что и как должна делать. – Мелисса. Перед богами

и самыми близкими мне эльфами, всем сердцем и разумом я клянусь оберегать и уважать тебя, быть твоим и никогда не свернуть с этой дороги. – «Никогда» – значило «и после смерти», я почувствовала это, к тому же где-то читала, что именно так эльфы понимают брак. – Позволь же мне называть тебя своей и жить с тобой в освящённом союзе.

Я сглотнула и вдруг вспомнила одну принципиально важную вещь.

– Да, но... – По спине у меня прополз холодок общего ужаса. – Сначала ты должен представиться моим родителям. В Мории.

– Это справедливо, – заметила Милена, а Эрэн дёрнул бровью. Очевидно, он считал, что подобные требования нужно предъявлять ДО принесения клятвы.

– Это далеко, – заметил Лесиастрат. – Но мы можем прибыть туда к Новому году.

Я радостно выдохнула, и на этом вопрос был решён. На следующий день мы приступили к сборам, а через день Милена и Эрен проводили нас. Мы отбыли на огромном пассажирском корабле, потому что Лесиастрат не доверяет дирижаблям. Из багажа с нами был лишь мой чемодан со сменным бельем и верхними юбками и вместительный заплечный мешок, куда Мастер уложил одежду, одну книгу с карандашом, и несколько золотых предметов, инкрустированных жемчугом – гостинцы, как я узнала позже. Столько скромная поклажа сулила нам неприятный прием в моей родной стра-

не, где превыше всего ценятся жизнь и богатство. Однако в те суетливые дни я об этом не подумала, во всём положившись на опыт и мудрость будущего супруга.

За три беспечных солнечных дня мы доплыли до континента и затем сменили несколько видов транспорта, работавших на чистой магии и поэтому ввергавших меня в панику, которую я плохо скрывала. Лесиастрат нашел самый действенный способ меня успокоить. Он брал меня за руку, слегка сжимая мои холодеющие пальцы, и как можно более понятно объяснял, как работает чистая магия в том приспособлении, в котором мы ехали или летели, и что, теоретически, может пойти не так, «сломаться». За 14 дней я освоила законы магической динамики и пространственной связи крепче, чем за 10 лет обучения в чародейской школе. Мои внимательность и проницательность многократно усиливались осознанием, насколько я во власти этих двух законов.

Позже мы еще несколько раз посещали Морию и однажды, с детьми, далёкие края Пяти озёр. Эти путешествия уже не вызывали во мне патологического ужаса. Гораздо сильнее я переживала, чтобы кто-нибудь из малышей не потерялся. В той, первой поездке с Лесиастратом, я пережила немало потрясений. Самым тяжелым для меня оказался полет, основанный на скольжении в пространстве. Этим способом мы пересекли Паконию, населённую людьми с медно-загорелой кожей и набрякшими веками, которые местные жители приобрели силами природы, чтобы защищать глаза от

сильных и постоянных ветров. Мы зашли в прозрачную капсулу, в которой можно было только стоять. Наш багаж, мой чемодан и заплечный мешок Лесиастрата, пришлось поместить в другую капсулу. Мастер заранее взял меня за руку, понимая, что произойдёт дальше. Паромщик вдвинул нас с помощью рычага в каменную арку, за которой пейзаж размылся. Сильный толчок, и нас понесло, как сучья, брошенные в горный поток. Единственным отличием было то, что нас не крутило и не переворачивало. И всё же я готова была закричать. Я до боли в суставах сжала рукав Мастера, и первые пять минут его голос доносился до меня словно через толстую преграду, я не различала слов. Наконец, мне удалось совладать с эмоциями, и я услышала спокойные и очень простые слова, объясняющие принцип действия телепортов.

По пути, в перерывах между скачками на ветру или сквозь пространство, я рассказывала будущему мужу о нравах и обычаях моей страны, Мории. Наша держава – единственная в мире, где магии не существует. Изредка рождаются ведьмы, кои вынуждены учиться за границей либо оставаться знахарками при сельбищах. С некоторых пор Обай, царь Мории, позволил обученным ведьмам возвращаться в земли Моря и исцелять сельчан.

Вокруг страны моей ходило и ходит множество нелепых слухов. Например, что пальцы у нас от мороза окостеневают, и мы принуждены брать чашки горстью, а не за ручку. Мои пальцы прекрасно справляются с обоими способами держать

сосуды. Также я часто слышала, что в Мории вовсе не бывает лета, а ночь длится полгода. Верно, есть земли, где снег остается даже летом, и день и ночь длятся по шесть месяцев, однако эти черты характерны для более северных широт – тундры. Тай-га, как иначе называются земли Моры, летом покрывается изумрудно-зеленой травой, леса ее густы и шумят богатыми кронами, а реки полны чистой воды и жирной рыбы.

Мастер слушал меня внимательно, не возражал и не удивлялся. Прежде, когда я раскрывала моринские обычаи, в Школе и Асафетиде, меня неизменно окружали вздохи, сомнения и восклицания: «Какая дикость!», «Это невозможно!» и подобные. Как можно ездить на волках? Как может бирюза считаться обычной безделицей, никак не претендующей на дорогое украшение? Видано ли это, ходить полгода в шубах из цельного меха, да еще иметь их несколько, не будучи при этом ни богачом, ни даже знатным горожанином? Мастера мои рассказы не удивляли, и я заподозрила, что он прежде бывал в землях Моры либо много общался с моринскими ведьмами, обучавшимися в Школе и Белой академии. Сие достойнейшее из учреждений в давние времена Мастер открыл специально для ведьм Моры... К сожалению, я в Академию так и не поступила, ограничившись уровнем магической школы.

Как бы то ни было, я поставила себе целью расспросить Мастера о его отношениях с Морой подробно и вдумчиво –

как только мы останемся наедине и отдохнем.

Мория

Перемещаясь гораздо быстрее, чем позволяли немагические технологии, мы миновали семь стран и, наконец, попали в мои родные леса, как раз к Новому году. Мория утопала в снегу от южных до самых северных, примыкающих к Вечной мерзлоте границ. Сверкая на солнце, зимнее покрывало кололо глаза, и мы надели защитные очки, которые прежде, до отъезда и учась в школе, я не считала нужными. Медвежьи шубы, приобретённые Лесиастратом в соседней стране, Житве, мне также не показались излишне тёплыми. В ту минуту, кутаясь в жёсткий мех, и радостно глядя на бескрайний пушистый простор, превращавший проезжий город в скопище мягких сугробов, я не понимала ещё, что больше не принадлежу этому краю. Моим домом отныне был остров Терезы, с его мягким климатом и солёным воздухом.

Границу с Морией мы пересекли пешком. Я смотрела, прищурясь, и не могла увидеть разницы, раздела – где заканчиваются земли, полные магией, и начинается страна, где магии не существует. Разделом был лишь редкий, плетёный из проволоки забор и добротная каменная хоромина, через которую медленно проходили обозы, люди и волчари, погонщики ездовых и тягловых волков.

Я пробралась мимо толпы – одни раскланивались, другие зло смотрели мне вслед. Мастер был рядом и шел бесшумно, будто его учил какой-нибудь охотник. Мы без труда прошли

в пропускной пункт и предстали перед комендантом. Не раздеваясь и не предъявляя багаж, я показала свою гербовую печать: вековые сосны и кедры сплетали кроны над логом – низиной, в которой соединялись в одну две полноводные реки.

Без лишних слов нас проводили в особый ход и вывели к барской дороге. Там нас встречал отец, и я остановилась в недоумении. Полагая, что письмо с моим извещением о прибытии доберется до имения Лог не раньше февраля, я не ждала провожатых. Очевидно, Эрен, Милена или Мастер дали срочную телеграмму или иным способом предупредили моих родителей.

По старинному обычаю, отец не произнес ни слова. В Мории не принято приветствовать гостей, пока не добрались до дома. Боятся, что демоны сочтут это неуважением и загубят по дороге.

Я оглянулась на Мастера. Он выглядел озябшим, но спокойным. Очевидно, молчание будущего свекра не оскорбило его.

Между тем, два выучных медведя угрюмо мотали башками, легконогие бурые волки, ростом мне под грудь, покорно лежали на снегу. Отец кивнул нам и несколько мгновений ждал, что за нами вынесут багаж. Поняв, что чемодан и мешок – наша единственная поклажа, Лог сдвинул брови и сердито махнул на волков. Я снова переглянулась с Мастером. Очевидно, отец заподозрил моего нареченного в одном

из худших грехов – по мнению моринцев – в бедности. Ле-сиастрат успокаивающе кивнул и первым подошел к волкам.

Здесь мне снова пришлось пережить неприятные эмоции. Мой будущий муж откровенно плохо справлялся с животным. Волк отвернул голову, едва взглянув на эльфа. Затем и вовсе встал и попытался уйти. Волчарь – новый, прежде я его не видела у нас в хозяйстве – зарычал и двинул волка дубинкой по ребрам. Видимо, немного, но животное остановилось и, показывая всем видом неудовольствие, подставило спину. Волчарь взял шлею в кулак и пригласил эльфа садиться. Мастер тяжело вздохнул, и я с замиранием сердца ждала позора. Упасть с волка – значит навеки уронить себя в глазах мориных. Спohватившись, я быстрее взяла шлею своего волка – это оказалась смиренная и мелкая волчица с белым пятном на лбу – и села боком, похлопала между ушами – животное встало.

Мастер одобрительно смотрел на меня, а сам садиться на спешил. Волчарь заставил волка лечь, тогда только маг занял седло и хлопнул между ушами животного. Волк встал резко, дерзко, за что снова получил от волчаря.

Когда мы поравнялись, я спросила, ездил ли маг раньше на наших животных.

– Около 320 лет назад. И мне никогда это не давалось легко. Мой проводник не понимал, в чем дело. Ваши волки... Меня не уважают.

– Они просто не знают, какой вы великий маг, – утешила

я нареченного, и он ответил мне теплой улыбкой.

За исключением некоторой скованности в верховой езде, других проблем у Лесиастрата не возникло. Он не качался в седле, не удивлялся, что мы так долго и медленно едем по протоптанной тропе между сугробами, не жаловался на холод и не пытался заговорить с отцом или волчарем.

Между тем, снежная дорога привела нас к мостку. Здесь нам предстояло расстаться с медведями и частью волков. Погонщики поведут их по земле, обувшись в лыжи. Мы же с главным волчарем на своих быстrolапых волках поднялись на сходни – подвесные, местами укрепленные столбами дороги. По ним передвигались верховольчи, пешие и полоски – небольшие узкие повозки с крышей из толстой холстины и мягкими, набитыми пухом и шерстью пуфами. Гербовой стяг, реявший над нашим ведущим, открывал нам пути, незнатные люди торопливо отскакивали, прижимаясь к низким перилам, любая очередь расступалась, чтобы барин Лог быстрее попал в имение.

Я ожидала, что путь до дома займет более месяца. Ведь в Мории запрещена магия, а вместе с ней ветровые паромы и телепорты. Отбывая в Школу, я ехала в полоске по государственному пути, ночевала на почтовых станциях или в городских гостиницах. Это было невероятно долго и изматывающе, но тогда я не ощущала ни раздражения, ни скуки. Ведь я ехала в Школу, в мир, где магия признается и превозносится, где я перестану считаться «странной». В по-

следнем ожидании, впрочем, я жестоко ошиблась. На мори-ну все смотрели с удивлением, как на диковинку. Мне повезло поступить в учреждение вдали от родины, где преобладали эльфы, полувеликаны и круглоухие уроженки Вильно, Житвы и Предморья. Теперь, становясь женой Мастера и чистокровного эльфа, я окончательно закрепляла за собой титул «неординарной особы», как меня именовали в столице эльфийской империи.

Итак, я помнила, какой долгий путь отделяет границу Мории от имения, где я родилась. И в душе недоумевала, как Лесиастрат собирался оказаться в имении к Новому году.

Если я недоумевала прежде, то теперь, подъезжая к ближайшему к границе городу, Путешке, я окаменела от изумления. Над городом поднимался массивный вытянутый баллон, он поблескивал под хмурым небом и, очевидно, не боялся ни северных ветров, ни ледяного нароста, который неизбежен на высоте...

Я грубо нарушила традицию:

– Дирижабли в Мории?!!

– Бывать дома надо чаще, – ворчливо отозвался отец.

– Уж пару лет, как ходят, – подтвердил волчарь. – Попервой страхово было, жуууть! Да небо держит. Токма ветры бывают беспокойными. Гуляют. Да потому и ходят с остановками.

– Довольно, – оборвал Хозяин.

Билеты были куплены заранее, а герб позволил нам мимо

очереди пассажиров подняться на борт по барскому трапу, застланному зеленой дорожкой.

Волков устроили в загоне, а мы расселись на резных скамьях, целовальник принес нам горячий малиновый настой и гору плюшек.

– Опять твои любимые дирижабли, – усмехнулся Лесиастрат и взял стакан через рукавицы, двумя ладонями, прежде глотка вдохнул горячий пар. Так делают только морины! После дикого холода и долгой дороги пальцы слушаются плохо, а кожа теряет чувствительность. Поэтому через рукавицы обхватывают стакан и отогревают руки. Я крепла в своем убеждении, что мой нареченный знает о моей родине очень многое. И на смену постыдной ревности пришло какое-то праздничное, радостное ощущение, какое посещает путешественника, уставшего от иностранщины и чужеземья и неожиданно повстречавшего соплеменника.

Покачиваясь и поскрипывая, воздушный корабль плыл к следующему городу. За всё время дороги отец ни словом не обменялся с Лесиастратом, только мне адресовал редкие фразы. Мастера это не смущало. Он читал сборник старинных стихов и переводил избранные места на современный карийский язык, выводя на вложенных чистых листах аккуратные мелкие буквы остро оточенным карандашом.

Весь путь занял у нас не более недели. В последнем городе мы снова сели на волков, и на следующий день соскользнули со сходен на торную дорогу. Здесь уже нас встречали сани,

запряженные лосями, слуги, обоз с самоваром и горой ва-
трушек. Лося в нашем хозяйстве отродясь не держали – оче-
видно, сохатого привели родственники, прибывшие на сва-
товство, помолвку и свадьбу. Вновь я испытала недоумение,
как весть о нашем прибытии облетела всех заинтересован-
ных так быстро, что они успели собрать гостинцы, настрое-
ние и лося, добраться до Лог и сюда, к мостку... До сих пор
Лесиастрат не ответил мне, как он это всё устроил. Упомя-
нул только срочные телеграммы и некие «давние связи».

Мать и брат, которому тогда было не больше 13 лет, стоя-
ли в нарядных дубленых шубах, расшитых золотыми и шел-
ковыми нитями. Они не стали выдерживать обычай и обня-
ли нас с Лесиастратом. От мамы пахло травами и духами,
видимо, открытыми по случаю праздника. Затем она схва-
тила в объятия моего отца, и как он, объемный и важный,
подался, вместился в ее любовь... Они расцеловались, будто
батюшка вышел из пурги.

С суетой, шумом и возней всех разместили по саням, ба-
лагуры ударили по струнам и мехам-барабанам, загорлани-
ли дорожные песни. И это было... дико, нелепо... Я и забы-
ла, что значит встречаение в Мории. Мастер пытался отодви-
нуться дальше от балагура, устроившегося на задке рядом с
ним. Естественно, это не могло уберечь нежные остроконеч-
ные уши. Балагурам положено поднимать как можно больше
шума, и даже под меховой шапкой звуки отдаются гулко и
невыносимо. Я подбадривающе погладила нареченного, он

покачал головой.

Мы ехали по моему родному имению. Сходен здесь по-прежнему не было, но было и новое. Дороги торили медведями, пристегнув к ним скребки. Широкая грудь раздвигала снежный покров, а скребки отбрасывали крошево к обочине. Выходила хорошая дорога. Это говорило о богатстве и достатке. В иных имениях дорог не было вовсе, только тропки прорезали сугробы между домами внутри деревень.

Я гордилась своим отцом, как нажил он добро, пока не вспомнила сияющие фонари и широкие ровные проспекты эльфийской столицы. На фоне Асафетиды Лог, да и вся Мория представилась мне жалкой. Я робко, стыдясь, взглянула на Мастера. Он сжал челюсти и пригнул голову – раздражал шум. Тогда я украдкой посмотрела на отца – он хмурил брови больше обычного. Даже матушка притихла. Только брат, курносый подросток с лихо заломленной на бок шапкой, беспечно уплетал ватрушки и подпевал балагурам.

Наконец, мы доехали, и нас встретила еще большая толпа – родные, знакомые и соседи съезжались в Лог, чтобы приветствовать нареченных, обменяться сплетнями и непременно наесться, напиться и наплясаться на полгода вперед. Когда еще такой большой праздник будет!

После объятий и похлопываний, нас раздели и усадили за стол. Стряпчиха расстаралась на совесть. Стол буквально ломился от угощений. Нас поздравляли, Мастера оглядывали и открыто обсуждали. Неизбежным был рассказ о том, как

мы «сговорились». Само собой, последовали многочисленные шутки по поводу того, что мы знали друга друга слишком недолго, чтобы решиться на супружество.

– Поскольку я эльф, мне ведомо то, что не знают иные, – уклончиво объяснил Лесиастрат. – Наши души стремятся друг в друга.

Я едва не поперхнулась, поскольку Мастер использовал слова из древних Мориных Учений. Мог ли он их читать?

– Любовь приходит с годами, – поддержала матушка. Как и положено молодой, я молчала, старалась есть незаметно и не смотрела в глаза гостям. – А что важно, то честность и достаток.

– Этим я могу гордиться, – сообщил Мастер, снова используя старую моринскую формулировку. – Слава моя в мире за Границей велика и обширна. К тому приложил я немало трудов и терпения. Сохранить здоровье мне было сложно, но мне и это удалось, не иначе, густую кровь мне передал отец. И доход мой достаточен. Имею я замок на острове, и ведется в городе близ замка ежедневная торговля...

Он описывал остров Терезы и свои финансовые обстоятельства так, чтобы его понимали морины, но явно старался сверх необходимой меры. Подобная текучесть речи, старые обороты, которые остались в сказках и фольклорных песнях, звучали напыщенно. Впрочем, обежав гостей, я поняла, что никто моих чувств не разделяет. Напротив, мужчины скуповкивали, а женщины подпирали щеки и смотрели вдумчиво и

печально, будто слушали бабушкины напевы.

К концу обеда мой нареченный считался столь же почетным горожанином, как мой отец – Хозяином имения.

Мне до зуда под языком хотелось расспросить Лесиастрата, откуда он знает обычаи и старые заветы моей страны, самой недружелюбной и закрытой в мире! Однако после обеда нас развели по разным комнатам и оставили «отдыхать».

Словом, нам не представился случай поговорить до самого конца празднования. Мы встретили Новый год, получили подарки. Лесиастрат, поскольку мы находились вне городов, в имении, отважился показать небольшие магические фокусы – дымку с двигающимися фигурами. Это напугало, но и восхитило мориных.

После состоялась наша свадьба по традициям Мории. Не буду утруждать вас подробностями. Скажу только, что шума и суеты было еще больше, чем по дороге со сходней до Главного дома.

Первую супружескую ночь мы провели, уснув как младенцы. Наутро же голова моя болела, будто на нее надели котел и хорошенько ударили поварешкой. Лесиастрат отпаивал меня чаем из мелиссы, и в его касаниях, редких фразах я чувствовала искреннюю поддержку и доброту.

– Давно я дома не была.

– Ничего... Четыре праздника за один раз – отсюда и столько шума.

– Ты жил прежде в Мории?

– Жил... Не совсем. В юности я был близок с мориным. Лето мы часто проводили здесь. А иногда он привозил меня зимой. От него я знаю многое об обычаях и... как выживать в лесу.

– Зачем же в лесу?

– Мы любили жить в лесу. Нам было скучно и тесно в городах. Мы грезили свободой. Как школьники...

– Сейчас я мечтаю только еще об одном глотке мелиссы, – вздохнула я и потянулась к стакану. Лета нежно коснулся моего плеча.

– Отдыхай.

– Не так я представляла нашу первую ночь.

Муж странно замер, будто и мысли не допускал о чем-то подобном. Я одарила его укоризненным взглядом. Острые уши заметно покраснели. Лета нагнуллся и пояснил мне шепотом:

– Слишком много тут желающих проверить, как мы проведем эту ночь. Я бы предпочел, чтобы все произошло наедине, в тепле и желательно в моем замке.

Самой собой, я разлила настой, и нам пришлось звать слуг, чтобы сменить постельное и переодеть меня.

Несколько дней мы отдыхали от праздников и провожали гостей. За это время Лета смог понравиться моему отцу и брату. С Санкэ они уходили в снежную целину и строили заставы, отыскивали зеленую поросль для лося, который оказался свадебным подарком... Мой брат пытался научить

Мастер обращаться с волками, но напрасно. Сам же Санкэ не по возрасту хорошо и спокойно ладил с бурыми даже с единственным в хозяйстве серебряным волком, взятым еще щенком из леса. По всему было видно, что из барчука выйдет умелый волчарь. Профессия почетная, опасная, но и прибыльная. Однако же пока волчарь приручает и гонит волков, некому будет присматривать за хозяйством и следить за работами на пашнях. Так что теперь я понимала суровое отношение отца к моей свадьбе. В глубине души он надеялся, что я остепенюсь приведу в дом хозяина, который возьмет под рукавицу богатый Лог... Всё вышло иначе.

Между тем, как отец смирялся с неизбежным, а брат забрасывал Мастера снежками, я грелась в женских комнатах, и матушка обхаживала меня: заговаривала на деток, учила разным хозяйским хитростям и женским тайнствам. Я не мешала ей. Конечно, на острове Терезы эти знания мне не понадобятся. Сложную работу там выполняют слуги, готовят повара, а накрывают на стол официантки в белоснежных фартуках и накрахмаленных шапочках-кокошниках. Впрочем, детки... Как раз эта тема меня занимала и будоражила, как и любую здоровую девушку 19 лет, окончившую школу и получившую столь неслыханный приз как величайший из мастеров и учителей магии, назначенный судьбою в мужья. Опять-таки и телом мой кумир был вполне привлекателен. Немного излишне спортивный для холеных карийских гостиных, Лесиастрат вполне соответствовал моим личным представ-

лениям о красоте и мужественности. Если не считать длинных волос и узора на лице, которые я принимала с благоговением, как знак высшей магической доблести.

Незадолго до отбытия нам удалось побыть вдвоем. После вечернего чая отца вызвал староста – посовещаться насчет ветра. Матушка отлучилась по хозяйству – распорядилась о продуктах и блюдах для предстоящих проводов. Брата отправили спать, чему он подчинился с явной неохотой.

Мы с мужем немного побыли в тишине, просто наслаждаясь раздвинувшимися границами и возможностью не отвечать на расспросы и не соответствовать традициям.

Лесиастрат легко достал мою руку через стол и легонько пожал мои пальцы:

– Ты была права. Я должен был посетить твой дом. И правильно, что мы прошли оба обряда – лианский и моринский.

– Правда? Мне показалось, вам обременительно...

– Тебе, – поправил Лета, и я покраснела – затрудняюсь сказать, от неловкости или от удовольствия.

– Тебе...

– Обременительно. Но я действительно скучал по Мории. По чистому воздуху, по чистой зиме, по протяжным песням. Я понял, что прошлое больше не режет мне сердце и больше не держит в плену. И, наверное, главное – я немного лучше стал тебя понимать. Полагаю, мои действия... Удивительно, что ты не сбросила меня с того уступа за шутку о платье.

– Да как я могла бы! Вы же Мастер!..

– Ты.

– Ты...

– Но ты ведь чувствуешь не только это, правда? Не только уважение к великому магу? Я не мог ошибиться. Наши души стремятся друг в друга. Я ощутил это сразу, когда ты только вошла и оторвала меня от эксперимента.

– Я прервала ваш...

– Твой.

– Твой эксперимент?! Вот, почему ты был тогда таким хмурым...

– Нет же. Я был... Я был поражен. Твоя мана...

– Мана?

– Да. Ты ворвалась в мою жизнь, как буря. Я всегда считал, что влюбиться – сложно. Нужно узнать друг друга, понять наши ценности и принципы... Но мне ничего не нужно было понимать. Твоя мана просто идеально мне подходила... Но я же не мог потребовать, чтобы ты немедленно стала моей женой?.. Я был в замешательстве. Я одновременно хотел, чтобы ты немедленно исчезла, и чтобы никогда никуда, ни на минуту не отлучалась от меня. Очень сложное чувство.

Я сидела, открыв рот, как самая простая дурочка, и боролась одновременно с гордостью, восхищением и любопытством. В конце концов, аналитический разум взял верх, и я попросила объяснений:

– Как ты определил, что моя мана подходит тебе идеально?

– Я не знаю. Не могу объяснить. Но я так давно живу, что научился с полутона понимать, смогу договориться с человеком или нет, станем мы хорошими знакомыми или нет. Что-то вроде интуиции ведьм, которая развилась с годами, чтобы сберечь нервы и время при случайных встречах.

– И что же означает, что мана кому-либо подходит?

– Я ощутил, что мы совпадаем в чем-то принципиально важном. И после, когда ты оказалась химиком, позже – не испугалась подать в суд на браконьеров, а затем смогла, единственная, уловить след, оставленный как подсказка, если я не вернусь слишком долго, и, наконец, когда не испугалась и вошла в логово Линчевателя... Ради меня... Не уверен, но скорее всего, я поступил бы точно так же. Ты будто мое отражение, но отражаешь только хорошее.

Я разомлела от такого признания и стольких похвал, мне уже совсем не хотелось спрашивать – тянуло коснуться губами его виска, провести кончиками пальцев по руке... И все-таки я уточнила:

– Отчего же ты молчал и так холодно простился со мной, когда я отбывала в Асафетиду?

– Разве не очевидно?

– Нет, правда. Я не понимаю.

– Я не хотел, чтобы ты уезжала. И в то же время я понимал, что выбора нет, тебе придется выступить свидетелем. Иначе мы оба будем считать себя предателями. Браконьеры должны были ответить перед законом.

– Да, – без тени сомнения подтвердила я. И, думаю, только в ту минуту осознала: я должна была уехать и уехала бы непременно – даже уговаривай меня Эрэн, Милена и Мастер остаться. Я не могла закрыть глаза и заниматься наукой, будто не были жестоко и бессмысленно убиты невинные и редкие животные... Я перестала стыдиться того, что попала к браконьерам, и того, что уехала в Асафетиду. Я приняла свой выбор.

Лесиастрат, угадав мое состояние, снова пожал мои пальцы. Я поднялась – обойти стол и поцеловать мужа, но тут в комнату вернулся отец. Я поклонилась Мастеру, Хозяину и сообщила, что иду отдыхать. Мужчины остались еще потолковать.

Наконец, пришло время отправляться в обратный путь. На проводы вновь была приглашена вся округа, а выючных медведей нагрузили четырьмя довольно тяжёлыми сундуками с моим приданым. Лесиастрат только вздохнул и покорно снёс все песни, прибаутки, улюлюканье и шуточные пожелания, среди которых самыми частыми были «сыновей два мешка» и «богатства, чтоб с жиру лопнуть». Когда я хотела извиниться за излишества, Лесиастрат опередил меня:

– Дома наслушаемся тишину.

На обратном пути нас сильно задерживал багаж, и мы продвигались гораздо медленнее. Только в начале февраля мы с мужем вновь ступили на остров Терезы. Лёгкий снежок уверенно таял на полуденном солнце, просёлочные дороги

сверкали весенними лужами, которые к ночи прихватывала тонкая ледяная корочка. Ветер, ещё по-зимнему свежий, нёс уже первое дыхание весны. Я тепло обняла Милену и радостно улыбнулась Эрэну. Лесиастрат обнял обоих. Я была дома.

Так я окончательно вернулась на остров Терезы, чтобы жить здесь в прекрасном браке, изучать магию по мере своих возможностей, любить мужа и его семью, растить и гордиться вами, каждым из вас, мои дети. Но если я рассказываю эту историю уже не в первый раз – значит, Лета нарушил мой запрет и перед смертью отнёс меня в гнездо крота-линчевателя.

конец

МД_писатель

Июль 2016, январь 2023 г., январь 2024 г.